

Ю. А. МОРЕВ (Томск)

## ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ТЕНДЕНЦИИ К ОБЩЕМУ ОСЛАБЛЕНИЮ Артикуляционной напряженности в селькупском языке

При исследовании автором звукового строя одного из среднеобских говоров селькупского языка (говора д. Ласкино) отмечен целый ряд существенных отличий от звукового строя тазовского диалекта, положенного Г. Н. Прокофьевым в основу научного описания селькупского языка. Эти отличия имели вполне регулярный характер и складывались в определенную систему, базирующуюся на разных степенях напряженности артикуляции. Был сделан вывод о том, что своеобразие звукового состава ласкинского говора по сравнению с тазовским диалектом объясняется преимущественно ослаблением артикуляционной напряженности в говоре (Морев 1973а : 24; подробнее Морев 1977б).

Дальнейшие исследования в этом направлении показали, что общее ослабление артикуляционной напряженности характерно для звуковых систем всех диалектов и говоров современного селькупского языка, хотя и в неодинаковой степени. Последнее обстоятельство дало автору повод для рассмотрения специфики звуковых составов каждого из диалектов в процессуальном (т. е. историческом) плане. Оказалось, что ослабление артикуляционной напряженности в селькупском языке имеет в целом характер тенденции, проявляющейся по-разному в разных диалектах. Ослабление по диалектам идет ступенчато, итоги его реализации могут быть затемнены дальнейшим побочным развитием, но в целом каждый диалект характеризуется неким минимальным набором признаков, дифференцирующим его именно по степени ослабления напряженности артикуляции (Морев 1979а : 13). В последнее время слабость артикуляции констатируется как специфическая черта артикуляционных баз и других самодийских языков — ненецкого (Попова 1978 : 120—122), энецкого (Глухий 1978 : 14), нганасанского (Столярова 1980 : 12—14); тем самым выдвигается задача адекватной исторической интерпретации этого явления в общесамодийском плане.

Что касается конкретных форм проявления тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в ходе развития подсистемы консонантизма селькупского языка, можно отметить следующие:

- а) спонантизация смычных типа  $p > \varphi$ ,  $k > \chi$  (Морев 1977а : 56; 1977б : 34);
- б) аффрикатизация как частный случай более широкого явления, спонантизации:  $t > \check{c}$ ,  $t > \check{c}$  (Морев 1975б);
- в) деаффрикатизация, т. е. разложение аффрикат по линии устранения относительно напряженного смычного элемента и сохранения слабого щелевого элемента:  $\check{c} > \check{s}$ ,  $\check{z} > \check{z}$  (Морев 1975б : 285);

- г) переход взрывных в гоморганные носовые:  $p > m$ ,  $t > n$ ,  $k > \eta$  (Морев 1973б);
- д) упрощение геминат (или долгих):  $pp > p$ ,  $tt > t$ ,  $kk > k$  (Морев 1978 : 10 и сл.; Деннинг, Морев 1979 : 96, 99);
- е) озвончение исконных глухих:  $p > B$ ,  $b$ ;  $t > D$ ,  $d$ ;  $k > G$ ,  $g$  (Морев 1976а : 37 и сл.; 1977в : 18 и сл.; Деннинг 1977 : 44);
- ж) лабиализация согласных:  $k > k\beta$ ,  $t > t\beta$ ,  $q > q\beta$ ,  $\check{c} > \check{c}\beta$ ,  $s > s\beta$  (Кузьмина 1973; Морев 1975а; Katz 1977);
- з) вокализация согласных:  $\beta > u$ ,  $o$  ( $*p$ ,  $*m > b > \beta > u$ ,  $o$ ),  $j > i$  (Морев 1979б : 240—241).

По степени реализации рассматриваемой тенденции в разных диалектных подразделениях можно делать соответствующие исторические выводы и тем самым намечать относительную хронологию не только в сфере фонетики, но и в сфере морфологии. Предлагаемая статья затрагивает отдельные моменты, имеющие отношение как к фонетической, так и к морфологической проблематике, а именно: особенности функционирования пар взрывных и соответствующих гоморганных носовых в составе некоторых грамматических показателей в системах селькупского существительного и глагола.

В системе селькупского существительного ауслатные гоморганные пары  $p \sim m$ ,  $t \sim n$ ,  $k \sim \eta$  встречаются прежде всего в составе падежных показателей обоих наличных типов склонения — безличного и притяжательного. К сожалению, никаких специальных статистических данных по особенностям распределения этих согласных в названной функции не имеется; можно лишь отметить, что в целом частотность как взрывных, так и носовых высока, они относятся к числу наиболее употребительных: например, в ласкинском говоре среднеобского диалекта частотность  $n$  во всех положениях в слове составляет 0,0721,  $t$  — 0,0620,  $m$  — 0,0426,  $p$  — 0,0272 (Морев 1973а : 12); в тымском диалекте (по данным Н. В. Деннинг) частотность  $n$  — 0,0585,  $t$  — 0,0727,  $m$  — 0,0404,  $p$  — 0,0420 (методика определения частотности в обоих случаях была одинакова, см. Морев 1973а : 3—5).

Стандартным оформителем винительного падежа в селькупском языке служит суффикс  $-p \sim -m$ , имеющий две особенности употребления:

а) прослеживается достаточно четкая диалектная дифференциация в употреблении названных вариантов: кет.  $-m$ , тым.  $-p$ , таз.  $-p \sim -m$  (Прокофьев 1935 : 5); позднейшие данные в целом подтверждают этот принцип (Беккер 1978 : 40);

б) в отдельных говорах (по крайней мере, в среднеобском диалектном ареале) употребление того или иного варианта аккузативного показателя обусловлено фонетически и регулируется достаточно универсальным дистрибуционным правилом:  $\{-p\} \vdash \{C\}$ ;  $\{-m\} \vdash \{S\}$  или  $\{-m\} \vdash \{VS\}$ , т. е.  $-p$  употребляется обычно в том случае, когда следующее слово начинается с шумного согласного, а  $-m$  — когда следующее слово начинается с сонорного (особенно носового) или с гласного и сонорного; перед паузой здесь регулярно употребляется  $-p$  (Морев 1973б : 52; примеры см. Беккер 1978 : 45—46). Кстати, т. н. свободное чередование взрывного и носового варианта в тазовском диалекте большей частью также подходит под вышеописанное дистрибуционное правило, т. е. в действительности является не таким уж свободным, а скорее зависимым от комбинаторных условий: *nāgīr ātāp sārīñitī* 'трех оленей запрег (он)', *ījanīk wācīl lakam mindak* 'ребенку кусок мяса дам', *qorqīp kəštī kīrīñitī* 'медведя до половины ободрал он' (Прокофьев 1935 : 30, 31).

Как известно, для прасамодийского (и уральского) состояния достоверно реконструируется аккузативный показатель  $*-m$  (Кюннап 1974 : 12; Collinder 1960 : 284). Отсюда появление  $-p$  в селькупском выглядит специфически селькупским развитием, причем оно находится в очевидном противоречии с общей тенденцией динамики селькупской звуковой системы: естественно было бы ожидать  $-p > -m$ , а не  $-m > -p$ . Морфологи это противоречие пока никак, насколько нам известно, не объяснили. Впрочем, А. Кюннап указал на возможность аккузативного варианта  $*-w$  наряду с  $*-m$  в абсолютном склонении праужносамодийского с последующим развитием сельк.  $-p$  и камас.  $-b$  (Künnap 1971 : 69), однако и в этом случае противоречие не снимается, т. е. все равно необходимо объяснить условия  $*-m \sim *-w > -p$  для селькупского.

Стандартным показателем селькупского родительного падежа является  $-t \sim -n$ , имеющий в принципе те же особенности распределения по диалектам, что и вышеописанный аккузативный показатель, и те же особенности дистрибуции в зависимости от комбинаторики:  $\{-t\} + \{C-\}$ ;  $\{-n\} + \{S-\}$  или  $\{-n\} + \{VS-\}$  (Joki 1971 : 5; Морев 1973б : 52—53; Беккер 1978 : 30).

Для прасамодийского (и уральского) принимается реконструкция генитивного суффикса в виде  $*-n$  (Кюннап 1974 : 12; Collinder 1960 : 282). Следовательно, появление в селькупском вариантов этого показателя  $-n \sim -t$  также требует обоснования, поскольку рефлексация  $-t$  выпадает из отмеченных выше системных закономерностей.

Попытку объяснить это явление сделал А. Й. Йоки (Joki 1971 : 5). В частности, он придерживается мнения, что процесс изменения селькупского генитивного показателя  $-n > -t$  до сих пор не завершился и нигде не проведен последовательно. Это явление представляет ему довольно новым, поскольку еще в грамматических записях М. А. Кастрена в родительном падеже единственного числа  $-n > -t$  не обнаруживается (при наличии, однако, параллельных форм с  $-t$  в родительном падеже множественного числа в определенных северных говорах селькупского языка, типа Банха *logáden*  $\sim$  *-det* 'лисиц'). Очевидно, объяснение А. Й. Йоки не совсем корректно, так как известно, что М. А. Кастрен не производил сбор материалов и каких-либо исследований по тымскому диалекту (Castrén 1856 : 151), а ведь именно последний характеризуется наличием регулярного генитивного  $-t$ . Судя по всему, процесс  $-n > -t$  должен быть отнесен к более раннему периоду, скорее всего, еще к «дописменной» истории селькупского языка, если подобный термин вообще приложим к данному случаю. Далее, попытка А. Й. Йоки объяснить происхождение диалектного изменения  $-n > -t$  в родительном падеже множественного числа существительных на ассимилятивной основе, т. е. аналогично местоименным формам типа *tan*  $>$  *tat* 'ты' (откуда возможно *logáden*  $>$  *-det*), выглядит хотя и принципиально мыслимой, но все же довольно натянутой и слишком узкой, поскольку совершенно не принимается во внимание возможность другого консонантного окружения и, что еще важнее, не дается систематической трактовки явления. Действительно, трудно понять, почему нужно видеть ассимиляцию в случае *tan*  $>$  *tat* 'ты' при наличии в той же парадигме принципиально обратного *man*  $>$  *mat* 'я' (те же формы и для родительного падежа), и тем более проецировать это в парадигму существительных? К тому же ассимиляция подобного типа, т. е. прогрессивная дистантная, вообще мало характерна для селькупского (см., например, Прокофьев 1935 : 25—26), а ассимиляторами обычно выступают сонорные, реже — щелевые шумные, тогда как взрывные согласные оказываются ассимилируемыми (Морев 1973а : 19). В связи с

вышесказанным выглядит сомнительным и предположение А. И. Йоки об относительно большей древности изменения  $-m > -p$  в северных селькупских диалектах по сравнению с изменением  $-n > -t$ : это положение опять-таки базируется на материалах М. А. Кастрена, где для винительного падежа единственного числа в карассинском и нарымском диалектах фиксировались исключительно формы типа *logap*, а в елогуйском — *logap ~ -m*. Более правдоподобной представляется целостная трактовка обеих групп согласных ( $-m, -n, -\eta$  и  $-p, -t, -k$ ), проводимая ниже в плане системных одновременных изменений.

Другие падежные формы безличного склонения, в состав которых входят упомянутые гоморганные пары (например, местный падеж на  $-qit \sim -qin$ , продольный падеж на  $-mit \sim -min$ ), здесь не будут рассматриваться: допускается, что их дистрибуция полностью аналогична дистрибуции генитивного показателя. То же предполагается и в отношении показателей личного склонения с ауслатными  $-t \sim -n$ , а также с  $-k \sim -\eta$ , например, им. пад. мн. ч. 1 л.  $-mit \sim -min$ , им. пад. мн. ч. 2 л.  $-lit \sim -lin$ ; дат. пад. ед. ч. 1 л.  $-qek \sim -qen$ , прод. пад. ед. ч. 1 л.  $-mek \sim -men$ , и т. п.

Следует отметить, однако, что именительный падеж единственного числа личного склонения в 1 лице оформляется обычно показателем  $-m$ , а не  $-p$  (хотя Г. Н. Прокофьев говорит о наличии вариантов в зависимости от типа основы:  $-m \sim -p$  для I класса,  $-mi$  для II класса — Прокофьев 1935 : 39—40; ср. Беккер 1978 : 22 — только с  $-m$ ). Посессивный суффикс для 1 лица единственного числа именительного падежа в прасамодийском (и уральском) реконструируется в виде  $*-mV$  (Кюннап 1974 : 17, 23), так что его селькупская рефлексация в данном случае (если не принимать во внимание  $-p$ , по Г. Н. Прокофьеву) представляется ординарной.

Что касается показателей числа в системе селькупского существительного — дв. ч.  $-q$ , мн. ч.  $-t$  (здесь по понятным причинам не рассматривается суффикс мн. ч.  $-la$ , фиксируемый в ряде говоров), то их реконструкция в прасамодийском (и уральском)  $*-k$  и  $*-t(V)$  (Кюннап 1974 : 22; Collinder 1960 : 297, 302) и последующая рефлексация в селькупском также обычны:  $*-k > -q$ , что, в свою очередь, может давать варианты типа  $-q, -q$ , редко  $-\eta$  (Морев 1976б : 49), а  $*-t(V) > -t$  (также  $-n$ , хотя и не очень последовательно) — т. е. в этом случае тенденция ослабления артикуляционной напряженности реализуется стандартно, без отклонений.

В системе селькупского глагола здесь целесообразно рассмотреть функционирование личных суффиксов субъектного и объектного спряжений: субъектное спр. 1 л. ед. ч.  $-k \sim -\eta$ , объектное спр. 1 л. ед. ч.  $-m \sim -p$ , 3 л. ед. ч.  $-t$ . Соответствующие прасамодийские и уральские реконструкции обычно представляются как  $*-kV$  ( $*-\eta V$ ),  $*-mV$  и  $*-tV$  (Кюннап 1974 : 15, 17; Collinder 1960 : 308—309). Поскольку развитие  $*-kV > -k \sim -\eta$ ,  $*-tV > -t \sim -n$  для селькупского достаточно ординарно, объяснения требует лишь рефлексация  $*-mV > -m \sim -p$  и  $*-\eta V > -\eta \sim -k$ .

Таким образом, в целом из представленного материала встает проблема адекватной интерпретации отражения прасамодийских (возможно, и уральских) показателей:  $*-m$  аккузатива в сельк.  $-m \sim -p$ ;  $*-n$  генитива в сельк.  $-n \sim -t$ ;  $*-mV$  суффикса 1 лица единственного числа объектного спряжения в сельк.  $-m \sim -p$  и  $*-\eta V$  суффикса 1 лица единственного числа субъектного спряжения в сельк.  $-\eta \sim -k$ .

Прежде всего, это явление должно быть признано чисто селькупским

развитием, поскольку в других самодийских языках (за частичным исключением камасинского) подобная рефлексация отсутствует. Тем самым оно должно насчитывать в абсолютном исчислении менее тысячи лет, так как селькупы как отдельный этнос сформировались в Томско-Нарымском Приобье только к началу II тыс. н. э. (Пелих 1972 : 31).

В связи с изложенным возникает целый ряд вопросов, таких как а) почему возникло чередование (или междиалектное соответствие) гоморганных носовых и взрывных, б) какова относительная хронология этого чередования, иными словами, что возникло раньше — чередование (междиалектное соответствие)  $-m \sim -p$ ,  $-n \sim -t$ ,  $-\eta \sim -k$  или же тенденция к общему ослаблению артикуляционной напряженности, в) в каком соотношении находятся эти два явления, г) какими путями шел процесс развития взрывных из носовых.

На вопрос о причинах возникновения чередования (междиалектного соответствия) едва ли можно ответить однозначно, тем более что никаких прямых конкретных свидетельств нет. В качестве подходящей аналогии можно сослаться на различные трактовки германского передвижения согласных. Е. Курилович в этой связи приводит ряд факторов, которыми могут быть обусловлены физиологические (артикуляторные) явления, и отмечает, что изменение нужно анализировать и объяснять как изменение системы; поэтому внимание следует уделять прежде всего нейтрализации, совпадениям и возникновению новых фонологических противопоставлений (Курилович 1965 : 404). Последнее положение и может послужить концептуальной базой нашей объяснительной модели.

Процесс развития селькупских взрывных из носовых можно, на наш взгляд, представить следующим образом. В общеселькупском независимо друг от друга существовали ауслautные серии типа 1)  $*-m$ ,  $*-n$ ,  $*-\eta$  и 2)  $*-p$ ,  $*-t$ ,  $*-k$  (Морев 1978 : 9), причем интересующие нас грамматические значения передавались только первой серией (ср. Joki 1971 : 17). Таким образом, эти серии ни при каких условиях не перекрещивались. В дальнейшем развитии целесообразно разграничивать три этапа. На первом этапе формирования диалектов ауслautные носовые серии (1) оставались без изменения, тогда как соответствующие им артикуляционно гоморганные взрывные серии (2) в определенных условиях (по-видимому, перед носовыми или перед комбинациями гласный + носовой последующего слова) подверглись ослаблению (назализации) и дали сосуществующие комбинаторные варианты  $-p \sim -m$ ,  $-t \sim -n$ ,  $-k \sim -\eta$ . На втором этапе варианты серии (2) были по аналогии обобщены серией (1) и рефлексация двух рядов нивелировалась: 1)  $*-m > -p \sim -m$ ,  $*-n > -t \sim -n$ ,  $*-\eta > -k \sim -\eta$ , 2)  $*-p > -p \sim -m$ ,  $*-t > -t \sim -n$ ,  $*-k > -k \sim -\eta$ , т. е. интересующие нас грамматические значения стали передаваться уже как носовыми, так и взрывными, возможно, регулируясь фонетическими комбинаторными условиями. На третьем этапе произошло закрепление потенциально наметившихся диалектных признаков в сторону ауслautных взрывных (тымский диалект):  $-p \sim -m > -p$ ,  $-t \sim -n > -t$ ,  $-k \sim -\eta > -k$ , или же в сторону носовых (кетский диалект):  $-p \sim -m > -m$ ,  $-t \sim -n > -n$ ,  $-k \sim -\eta > -\eta$ ; в других диалектных группах осталось варьирование двух серий либо в качестве относительно свободного (тазовский диалект), либо фонетически обусловленного (среднеобские говоры). Косвенным подтверждением сказанному является более высокая частотность взрывных относительно носовых в тымском диалекте при обратном положении в ласкинском говоре.

Если приведенные соображения верны, то они автоматически спо-

собны дать ответ на вопрос об относительной хронологии и соотношении развития взрывных из гомоганнных носовых и тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности. Более того, наметившиеся отклонения от действия этой тенденции следует признать квазиисключениями (ср. соотношение между законами Гримма-Раска и Вернера в германских языках).

Сказанное отнюдь не означает, что автор полностью склоняется к утверждению одной самодовлеющей тенденции в развитии селькупской звуковой системы — тенденции ступенчатого ослабления артикуляционной напряженности. Изложенные выше соображения следует понимать как один из возможных способов системного объяснения упомянутых явлений.

## ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.  
 Глухой Я. А. 1978, Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным, Ленинград (автореф. канд. дисс.).  
 Деннинг Н. В. 1977, О системе консонантизма тымского диалекта селькупского языка. — Языки и топонимия, вып. 4, Томск, 39—48.  
 Деннинг Н. В., Морев Ю. А. 1979, Геминация согласных в селькупском языке. — СФУ XV, 94—103.  
 Кузьмина А. И. 1973, О развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. — Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов Всесоюзной конференции), Новосибирск, 185—188.  
 Курилович Е. 1965, О методах внутренней реконструкции. — Новое в лингвистике, вып. IV, Москва, 400—433.  
 Кюннап А. Ю. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов), Тарту (автореф. докт. дисс.).  
 Морев Ю. А. 1973а, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка, Томск (автореф. канд. дисс.).  
 — 1973б, Варианты со взрывными и гомоганнными носовыми в среднеобском говоре селькупского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 50—53.  
 — 1975а, К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. — СФУ XI, 126—134.  
 — 1975б, К вопросу о происхождении аффрикат в селькупском языке. — СФУ, XI, 281—286.  
 — 1976а, Шумные согласные обского говора селькупского языка. — Языки и топонимия Сибири, вып. VI, Томск, 36—57.  
 — 1976б, Увулярные согласные в селькупском языке. — *Fenno-ugristica* 3, Tartu, 43—53.  
 — 1977а, Развитие селькупского  $\varphi$ . — СФУ XIII, 48—57.  
 — 1977б, Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка. — Языки и топонимия, вып. 4, Томск, 29—38.  
 — 1977в, Глухость-звонкость согласных в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумылькупов). — Языки и топонимия, вып. 5, Томск, 13—26.  
 — 1978, К соотношению глухости-звонкости и долготы-краткости шумных согласных в селькупском языке. — Языки и топонимия, вып. 6, Томск, 3—14.  
 — 1979а, К неравномерности развития консонантных систем в диалектах селькупского языка. — Вопросы финно-угроведения. Языкознание (тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов), Сыктывкар, 13.  
 — 1979б, Выпадение и вокализация согласных в селькупском языке. — СФУ XV, 236—242.  
 Пелих Г. И. 1972, Происхождение и история селькупов, Томск (автореф. докт. дисс.).  
 Попова Я. Н. 1978, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка, Москва.  
 Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.  
 Столярова А. К. 1980, Консонантизм нганасанского языка (по экспериментальным данным), Ленинград (автореф. канд. дисс.).  
 Castrén, M. A. 1856, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Petersburg.

- Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala.  
 Joki, A. J. 1971, Über das Element *n* in der samojedischen Deklination. — FUF 39, 1—17.  
 Katz, H. 1977, Notitz zur selkupischen Lautgeschichte. — NyK 79, 233—237.  
 Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).

J. A. MOREV (Tomsk)

#### ON SOME DEVIATIONS FROM THE TENDENCY TO THE WEAKENING OF ARTICULATORY TENSION IN SELKUP

All the Modern Selkup dialects are marked by a number of peculiar features in their sound system which display one common tendency, viz. the tendency to the weakening of articulatory tension. One of the peculiarities is the change of certain plosives into the corresponding homorganic nasals.

But at the same time several grammar elements are quite reliably reconstructed with primordial nasals which develop into the homorganic plosives in certain Selkup dialects. This development seems to run counter to the general trend. The grammar elements involved are: Acc. *\*-m*, Gen. *\*-n*, 1 Pers. Sg. *\*-m* (Obj. Conj.) and *\*-η* (Subj. Conj.).

To explain the contradiction the author assumes that in Common Selkup there existed two independent (non-crossing) word-final series: (1) *\*-m*, *\*-n*, *\*-η* and (2) *\*-p*, *\*-t*, *\*-k*, the mentioned grammar functions being performed only by the first series.

At the first stage of the formation of dialects the final nasals (1) remained unchanged while under favourable conditions their homorganic plosive counterparts (2) underwent weakening and resulted in co-existing variants *-p ~ -m*, *-t ~ -n*, *-k ~ -η*.

At the second stage group (2) variants were analogically generalized by group (1), the reflexes of the two series being levelled: (1) *\*-m > -p ~ -m*, *\*-n > -i ~ -n*, *\*-η > -k ~ -η* and (2) *\*-p > -p ~ -m*, *\*-t > -t ~ -n*, *\*-k > -k ~ -η*, i. e. the grammar notions in question came to be expressed by both the nasals and the plosives, their use perhaps being conditioned phonetically.

At the third stage the potential dialectal features were fixed either in favour of the word-final plosives (Tym dialect): *-p ~ -m > -p*, *-t ~ -n > -t*, *-k ~ -η > -k* (i. e. the grammar notions being expressed only by plosives), or in favour of the nasals (Ket dialect): *-p ~ -m > -m*, *-t ~ -n > -n*, *-k ~ -η > -η* (thus as if resuming the ancient state). Other dialectal groups display either a free alternation of the plosives and the nasals (Taz dialect), or a phonetically conditioned alternation (Middle Ob dialect).

Thus the described deviations from the tendency to the weakening of articulatory tension prove to be quasi-exceptions which in their own way just corroborate the general trend of Selkup sound system development.